

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

СОБОЛЕВ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Санкт-Петербургского филиала Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Санкт-Петербург, Россия

Из истории социологии науки в Российской академии наук в 1920-е годы

В статье отражена история деятельности РАН в области социологии науки в 1920-е годы. Подобная научно-исследовательская работа проводилась академическим Комитетом учета научных работников и научных сил СССР (КУИНС). Объектом изучения стал большой массив ретроспективной информации, сохранившейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Архивный фонд КУИНС (Ф. 155) составляют 6500 дел. За период с 1916 по 1934 годы КУИНС проводилось масштабное анкетирование научных работников, удалось собрать конкретные данные более чем о 120 тысячах представителей науки. На основе этого фактического материала РАН публиковались справочно-информационные издания, которые не утратили своего научно-информационного значения.

Ключевые слова: наука в СССР, учет интеллектуальных сил страны, социология науки в 1920-е годы, справочно-информационные издания; опыт деятельности РАН.

Состояние научного потенциала общества имеет большое значение для развития науки и культуры как в данный конкретный момент его истории, так и на дальнейшую перспективу. Российской академией наук в 1920-е годы был накоплен интересный опыт по сбору, исследованию и обобщению научно обоснованной информации об интеллектуальных возможностях страны, начаты исследования в области социологии науки. Этот опыт, прежде всего, связан с деятельностью академического Комитета учета научных работников и изучения научных сил СССР (КУИНС).

На рубеже XIX и XX веков передовые ученые России уже понимали важность ведения систематического учета интеллектуальных сил страны.

В дореволюционной России подобные сведения можно было найти в издаваемых А. В. Сувориным календарях; справочниках «Весь Петербург», «Вся Москва»,

«Вся Россия»; губернских адрес-календарях. Профессор С. А. Венгеров издал несколько томов «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых». В области сельского хозяйства такую информацию содержали многочисленные издания земских учреждений.

Этот вопрос стал особенно актуальным в годы Первой мировой войны, когда Российская империя понесла огромные людские потери, естественно, что эти потери затронули и интеллектуальный слой страны, ее интеллигенцию. В это время Санкт-Петербургская Академия наук посчитала необходимым взять на себя решение этого важного вопроса. В конце 1916 года на Общем собрании Академии наук было принято решение о создании академической комиссии «Наука в России», перед которой была поставлена задача проведения всестороннего учета и изучения научных сил в стране¹. Данная академическая комиссия осуществляла свою деятельность с 1916 по 1934 год. В то время научно-информационная деятельность имела большое значение и для успешного развития международного научного сотрудничества. Полагаем, что не случайно в своей речи на торжественном заседании конференции Академии наук, посвященном ее 200-летию, непреременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург уделил внимание и этому аспекту организации работы Академии наук. Он, в частности, отметил тогда следующее: «Сейчас научная работа не ведется согласованно в мировом масштабе... в одной стране не знают, как идет работа в другой... что сделано в отдельных отраслях знаний. Нет справочников, из которых точно можно бы узнать все научные учреждения разных стран, тем более отсутствуют справочники об ученых работниках» (Академия наук СССР за двести лет, 1925: 21).

В основу подготовки настоящей статьи по истории деятельности этой комиссии были положены результаты исследования документальных материалов архивного фонда № 155 ПФА РАН. Полное название фонда — «Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР» (КУИНС) — обусловлено последним официальным названием академической Комиссии.

Объем фонда составляет 6584 архивных дела. В их числе имеются следующие материалы:

— 809 дел содержат анкеты, автобиографии, характеристики, списки научных трудов ученых и другое за 1916–1934 годы;

— 279 дел — это сведения о научных учреждениях страны: анкеты, уставы, исторические справки, научные и учебные планы, списки личного состава и другое за 1917–1934 годы;

— 50 дел — это списки членов секций профсоюза научных работников республик СССР, краев и областей.

Кроме того, в фонде хранятся фотографии 5193 научных работников и 119 научных учреждений СССР. Таким образом, в архивном фонде № 155 оказалась сосредоточена ретроспективная информация о более чем ста тысячах научных работников страны.

Другой основной группой исторических источников, использованных при подготовке статьи, стали научные информационно-справочные издания, ставшие результатом деятельности самой комиссии. Назовем некоторые из них:

— Наука в России : справочный ежегодник. Петроград. Вып. 1. Пг., 1920;

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 1а–1916. Д. 163. Л. 198–199.

- Наука в России : справочный ежегодник. Москва. Вып. 2. Пг., 1922;
- Наука и научные работники в СССР. Ч. IV : Научные работники Москвы. М., 1925;
- Наука и научные работники СССР. Ч. II : Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926.

Архивные документы показывают, что комиссия «Наука в России» совместно с редакцией журнала «Природа» начала работу по подготовке первого отечественного справочника. Первые анкеты были разосланы по всей России в декабре 1916 — январе 1917 года, тогда по ним удалось получить около 600 ответов¹.

В связи с революционными событиями 1917 года деятельность комиссии была прервана, но ненадолго. В феврале 1918 года она возобновилась, причем редакция журнала «Природа» все свои материалы анкетирования передала непосредственно в комиссию. С самого начала председателем ее являлся неперменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург. На первых порах работа велась в крайне сложных условиях, комиссия не имела даже своего помещения. В одном из архивных документов говорится о том, что во время очередного срочного перемещения все материалы комиссии чуть не погибли, но «были в буквальном смысле спасены Непременным секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургом», взявшим их на хранение к себе на квартиру². Там же начали свою работу и первые сотрудники комиссии: М. Г. Флеер, С. А. Лихарева, А. В. Преображенская, О. Н. Короткова³. Подобное положение сохранялось довольно долго, и только в феврале 1920 года комиссии было выделено помещение в Доме ученых (тогдашний его адрес — ул. Миллионная, 27).

Активную помощь комиссии в деле подготовки справочника стал оказывать Географический кружок студентов Петроградского университета. Совместными усилиями за 1918 год было проведено анкетирование научных учреждений Петрограда и Москвы, получено около 1000 ответов, что дало сведения о 2/3 всех научных учреждений, 9/10 учебных заведений. Таким образом была заложена основа двух первых справочников по Петрограду и Москве⁴.

После революции деятельность Комиссии начала финансироваться Наркомпросом РСФСР по смете Российской Академии наук. Осенью 1918 года сотрудником комиссии Д. Д. Рудневым была направлена докладная записка в Наркомпрос о первых результатах ее деятельности. В записке, в частности, отмечалось, что «у нас в стране мало сделано в области учета духовных богатств, что в связи с отсутствием соответствующих русских справочных изданий, русские ученые пользовались иностранными справочниками типа “Minerva”»⁵.

Решением Общего собрания Академии наук от 2 ноября 1918 года комиссии были выделены 6000 руб. «на оплату работ по окончанию 1-го тома справочника „Наука в России“»⁶. Но этих средств не хватило, и работа зимой 1918 года была прервана «из-за отсутствия кредитов». Лишь осенью 1919 года по инициативе Научного

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

² Там же. Д. 6. Л. 1–2.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 4, 6.

⁵ Там же. Л. 1–3.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1а–1918. Д. 165. Ос. § 284.

отдела Наркомпроса Академия наук возобновила работу по подготовке справочника «Наука в России».

В связи с тяжелым финансовым положением осенью 1919 года Общее собрание Академии наук приняло решение передать комиссию в ведение Российской книжной палаты, так как палата имела больше возможностей для издательской деятельности и это «должно было принести пользу организации научной работы в России»¹. Но председателем комиссии по-прежнему оставался С. Ф. Ольденбург.

В это же время была предпринята попытка учитывать состояние интеллектуального потенциала страны непосредственно в самом Наркомпросе. Там было создано «Бюро для учета деятелей науки, литературы и общественности в России». Поскольку Наркомпрос являлся органом Советской власти, упомянутое «Бюро» ставило своей задачей сбор достаточно специфических сведений. Была подготовлена анкета, направляемая представителям отечественной культуры и науки, в которой, в частности, в разделе анкеты «Сведения биографические» стоял вопрос: «К какому политическому направлению Вы принадлежали и принадлежите?» и вообще целый раздел посвящался политическим взглядам анкетированного: «Какая область политики является специальностью?»².

Однако ни в Книжной палате, ни в «Бюро» Наркомпроса эта работа «не пошла» и поставленные задачи не были реализованы. Это объяснялось еще и трудностями Гражданской войны. В то же время в стране ощущалась реальная потребность в информации подобного рода. Так, в сентябре 1920 года в Академию наук обратился Научно-технический отдел ВСНХ с просьбой предоставить «в возможно скором времени сведения об ученых и техниках, списки их трудов, так как все это крайне необходимо для работы ВСНХ по использованию ученых и технических сил России для организации народного хозяйства»³. Руководством Академии наук был дан ответ, что подобные сведения собраны Академией, но находятся пока в виде карточного каталога, была изъявлена готовность предоставить его ВСНХ для копирования.

В июне 1921 года опять по инициативе Наркомпроса было решено вернуть комиссию по изданию справочника «Наука в России» в Академию наук⁴. Общим собранием Академии наук был утвержден состав комиссии, вновь ставшей академической: ученый секретарь Д. Д. Руднев (работал в этой должности по апрель 1931 года), научные сотрудники Н. С. Никитин, С. А. Лихарева, М. А. Добровольская, А. Е. Киргоф, А. Н. Калдыкина. Для обеспечения деятельности комиссии до конца 1921 года Наркомпросом были ассигнованы 3 млн 200 тыс. руб. («внушительность» этой цифры кажущаяся и была обусловлена высоким уровнем инфляции).

К этому времени появились уже и первые результаты деятельности комиссии. Вышел в свет справочный ежегодник «Наука в России» (Петроград. Вып. 1. Пг., 1920). В книге были опубликованы подробные сведения о научных и культурных учреждениях Петрограда, данные были собраны по состоянию на 1 января 1918 года. В частности, в справочнике был зафиксирован тот факт, что в ведении Российской академии наук находилось всего 24 учреждения. Был также подготовлен и сдан в печать подобный справочник по научным и культурным учреждениям Москвы.

¹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а–1919. Д. 166. ОС. § 203.

² Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1а–1920. Д. 168. ОС. § 126.

⁴ Там же. Оп. 1а–1921. Д. 169. ОС. § 106.

В журнале «Наука и ее работники» № 4 за 1921 год был опубликован «Предварительный список всех научных учреждений и высших научных заведений» (в масштабе всей страны).

Попытка обобщения опыта первых лет работы комиссии «Наука в России» была и предпринята В. И. Шевченко в статье «К вопросу об учете научных сил России». Текст этой статьи хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹. Автор отметил, что «первый опыт справочников дает картину положения дел в просвещении, о наличии просветительных сил, но еще необходима в этом направлении деятельная систематическая, непрерывная работа»².

В последующие годы решениями Общего собрания Академии наук название комиссии несколько раз изменялось, но ее главные функции оставались прежними. В январе 1924 года ей было присвоено название «Комиссия по изданию справочника „Наука и ее работники в пределах СССР“»; с апреля 1930 года комиссия стала называться «Наука и научные работники СССР»; наконец, в марте 1932 года она была преобразована в «Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР» (КУИНС).

Непременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург считал работу по учету научных сил в стране делом первостепенной важности, он возглавлял деятельность Комиссии с момента ее создания до конца 1925 года. В ноябре 1925 года председателем комиссии был избран академик Е. Ф. Карский. В связи с истечением срока полномочий Е. Ф. Карского на сентябрьско-октябрьской сессии Академии наук 1930 года председателем комиссии вновь был избран С. Ф. Ольденбург. Он руководил ее работой до момента ее ликвидации в 1934 году.

На протяжении всего периода существования (1916–1934) штатная численность комиссии оставалась неизменной и была невелика — 4–6 человек. Большую роль в ее деятельности играли внештатные сотрудники, их число не было стабильным, в разные годы изменялось и в среднем составляло 8–14 человек³.

Задачи, методы и формы деятельности комиссии с годами совершенствовались. Принципиальное значение имеет тот факт, что с начала своего существования она ставила своей задачей вести учет научных сил не только в системе Академии наук, но и по возможности в масштабах всей страны. В одном из документов комиссии, датированном мартом 1921 года, это сформулировано следующим образом: «Комиссия „Наука в России“ имеет целью широкую информацию о состоянии науки и научных учреждений в России в настоящее время, для чего ею производится учет всех научных сил страны, всех культурно-научных учреждений, высших учебных заведений, обществ, музеев и пр.»⁴.

По состоянию на начало 1923 года комиссии удалось собрать сведения более чем о 1200 научных учреждениях страны и о 9000 научных работниках, в том числе о 4000 по Ленинграду, 3000 — по Москве и 2000 — по другим территориям России⁵. Данный обобщенный фактический материал стал достаточно весомой основой для будущих исследований в области социологии науки.

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 21.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–2 об.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 11.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 25. Л. 126 об.

Позднее, весной 1928 года, ученый секретарь комиссии Д. Д. Руднев констатировал, что залог успеха работы, то есть возможность получать фактические данные по всей стране, был обусловлен «авторитетностью высшего объединяющего научного аппарата — Академии наук, общественным доверием к ней», именно авторитет Академии наук позволял комиссии получать сведения и от всех союзных республик¹. Таким образом, по существу своей деятельности комиссия выполняла в известной степени функции общесоюзного центра по учету научных и культурных сил.

В апреле 1928 года ученым секретарем комиссии Д. Д. Рудневым была направлена ее председателю академику Е. Ф. Карскому специальная «Записка». В ней, в частности, указывалось, что перед комиссией встают все более сложные задачи срочного удовлетворения быстро растущих требований ведения научно-справочной и информационной работы, и она пока является «единственным во всем СССР институтом научной информации»². Далее Д. Д. Руднев отметил и тот факт, что своей деятельностью комиссия уже успела заслужить авторитет и положительную оценку у иностранных коллег-специалистов по научно-справочной работе. Так, справочник «Научные учреждения Ленинграда», по отзывам германских и французских специалистов, является «совершенно новым в своей области типом рациональных справочников».

Окончательно и наиболее конкретно задачи, основные формы и методы деятельности комиссии были закреплены в «Положении» о ней, утвержденным Общим собранием Академии наук 2 октября 1930 года. В «Положении» был учтен и весь опыт предыдущей работы Комиссии. Главные параметры ее деятельности определялись следующим образом³:

- ведение учета научных работников и научных учреждений СССР;
- разработка и совершенствование методов учета;
- предоставление, как самой Академии наук, так и другим научным учреждениям, научным работникам точных сведений справочного характера по предметам ведения комиссии;
- подготовка и печатание собранных материалов в справочниках и др.

Следует отметить, в своей деятельности комиссии удавалось успешно взаимодействовать с другими организациями и учреждениями, проявлять умение находить, если так можно выразиться, единомышленников. Это при весьма ограниченных штатных возможностях имело большое значение, во многом обеспечивало успех в сложных начинаниях. Так, в отчете о деятельности комиссии за 1922–1923 годы находим данные о том, что активно использовался фактический материал, полученный от Центрального бюро краеведения (ЦБК), Русского общества любителей мироведения, Научно-технического отдела ВСНХ⁴. Весомый вклад в проведение анкетирования в самых отдаленных уголках страны вносил многочисленный местный актив ЦБК и Географического общества, с которым поддерживалось тесное сотрудничество. Иногда результаты совместной работы публиковались в научных изданиях. Например, в журнале «Краеведение» № 4 за 1921 год был опубликован подготовленный совместными усилиями «Список краеведческих организаций СССР».

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 43. Л. 7 об.

² Там же. Л. 7–8.

³ Там же. Д. 55. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 18. Л. 4.

Комиссия имела все основания считать существовавший тогда многочисленный актив краеведов значительным научно-просветительским потенциалом страны. Контакты с краеведческими организациями были постоянными и плодотворными. Так, в 1927 году ученый секретарь комиссии Д. Д. Руднев неоднократно выезжал в научные командировки в краеведческие общества, музеи и архивы Москвы, Вологды, Орла, Болохова¹.

В упоминавшемся выше архивном фонде Комиссии имеется конкретный и, на наш взгляд, интересный фактический материал о различных формах и методах ее деятельности по учету и изучению научного потенциала страны, об информационной работе. Так, в 1923 году были составлены списки всех выходящих на территории СССР журнальных изданий. Причем по Москве и Петрограду были составлены отдельные списки. Тогда же были подготовлены систематизированные списки всех научных обществ СССР. В 1924 году по заказу Главнауки Наркомпроса был подготовлен список всех музеев Ленинграда и Ленинградской области. В 1927 году обобщенные сведения были предоставлены Русскому ботаническому обществу для «Ботанического справочника», Центральному бюро краеведения для организации и проведения III Всероссийской конференции по краеведению, редакции немецкого справочника «Минерва» и т. д.² Масштабы данной работы, проводившейся комиссией, постоянно возрастали. Так, в 1931 году была предоставлена научная информация Финотделу ЦИК СССР, Нижегородскому крайплану, Музею — Институту истории химии ВСНХ СССР, Ленинградскому отделению Института техники управления, обществу «Техмасс», Татарскому научно-исследовательскому экономическому институту, Ижорскому заводу, Итальянскому консульству в Ленинграде, редакции американского справочника „Люди науки“ и т. д.³ Ко всему этому следует добавить, что комиссия вела постоянное информационное обеспечение в самой Академии наук.

Следует вспомнить и о том, что сотрудники комиссии вели работу по созданию своей научно-справочной библиотеки (НСБ), тщательно собирали все отечественные и зарубежные издания по вопросам учета научных сил и информатике. К 1927 году в НСБ уже было сосредоточено более 2000 названий специальной литературы. Кроме того, была создана и постоянно пополнялась коллекция фотографий работников науки и культуры, к этому времени в ней насчитывалось более 500 единиц хранения.

Сотрудники комиссии формировали и свой, весьма своеобразный, музейный фонд. Собирались, в частности, образцы редких справочных изданий, коллекция опросных листов и анкет, наглядные пособия о технике и способах распространения этих материалов на местах, образцы наиболее оригинальных полученных ответов и др. Все эти вещевые памятники должны были иллюстрировать развитие и совершенствование деятельности самой комиссии⁴.

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

² Там же. Л. 3–5.

³ Там же. Д. 66. Л. 5.

⁴ К сожалению, нам пока не удалось установить судьбу и местонахождение НСБ и музейной коллекции после ликвидации комиссии в 1934 году. В протоколе заседания Президиума АН СССР от 23 июня 1934 года указывалось, что все материалы комиссии следует передать Комиссии содействия ученым при СНК СССР.

Но главной задачей на всем протяжении деятельности комиссии оставалась работа по подготовке и изданию справочников. В основе этого лежала большая и кропотливая работа по сбору сведений о научных учреждениях и научных работниках, обобщение и систематизация этого объемного фактического материала. Например, в справочник по учету научных сил Ленинграда вошли сведения о 347 учреждениях, в их числе 195 научных, 102 научных объединениях, 50 вузах и данные о 6000 научных работников. В 1926 году в ходе подготовки справочника по СССР (исключая данные по Москве и Ленинграду) по всей стране были разосланы 2500 учрежденческих анкет и более 10 000 личных анкет¹. Причем, когда в 1928 году справочник «Наука и научные работники СССР (без Москвы и Ленинграда)» вышел в свет, в нем содержались сведения о 11 197 научных работниках, которые представляли более 2000 научных специальностей. Объемы и масштабы основной деятельности комиссии с годами возрастали. Так, в 1929 году во время подготовки справочника по Москве были разосланы уже 15 000 личных анкет и более 1000 учрежденческих анкет².

С 1920 по 1926 год вышли в свет восемь справочных изданий, что являлось главным результатом работы комиссии за этот период времени³. В последующие годы до момента ее ликвидации в 1934 году было выпущено еще несколько справочников.

Сотрудниками комиссии продолжались разработка актуальных вопросов теории и практики ведения учета научных сил. В научных изданиях публиковались статьи сотрудников комиссии Ю. А. Филиппченко, Н. В. Граве, Л. В. Сергеевича и других по данной проблематике⁴.

В свою очередь результаты деятельности комиссии привлекали внимание научной общественности. Так, после выхода в свет справочника «Научные учреждения Ленинграда» (1926) в печати было опубликовано несколько положительных отзывов об этом издании⁵.

Как уже отмечалось выше, ряд изданий комиссии получил положительную оценку зарубежных ученых-специалистов в области информационной деятельности. Так, по запросам иностранных коллег комиссия неоднократно высылала им справочники «Научные учреждения Ленинграда» и «Научные работники СССР», необходимые для научной деятельности. Таким образом, комиссия вносила свой, пусть скромный, вклад в дело укрепления международного научного сотрудничества. В одном из отчетов комиссии отмечалось, что многочисленные запросы, получаемые Академией наук из-за границы, показывают, насколько там интересуются достижениями советской науки и «насколько необходимым является для установления тесной научной связи между учеными всего мира издание подобных

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 31. Л. 2–3.

² Там же. Д. 49. Л. 8 об.

³ Наука в России : справочный ежегодник. Петроград. Вып. 1. Пг., 1920.; Наука в России : справочный ежегодник. Москва. Вып. 2. Пг., 1922.; Предварительный список ученых учреждений, высших учебных заведений, музеев, обсерваторий, библиотек и пр., находящихся в Петрограде и его окрестностях. Пг., 1921; Научные работники Петрограда. Пг., 1923; Научные работники Москвы. М., 1925; Краеведческие учреждения СССР. Л. : Изд-во ЦБК, 1925; Академия наук СССР, ее задачи, разделение и состав. Л., 1925; Научные работники Ленинграда. Л., 1926.

⁴ См. журналы: Наука и ее работники. 1921. № 6; Природа. 1925. № 10–12; 1926. № 7–8; Научный работник. 1926. № 9; и др.

⁵ См. Известия ЦИК СССР и ВЦИК Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1927. № 152; Научный работник. 1927. № 5–6; Краеведение. 1927. № 2.

справочников»¹. К середине 1927 года комиссии удалось зарегистрировать по стране 20 878 научных работников и 2454 научных учреждения. Анализ этих данных по главным направлениям научной деятельности дал следующие результаты в процентном отношении².

	Ленинград	Москва
Математика и естествознание	41	37
Гуманитарные науки	32	29
Медицина и гигиена	13	20
Техника	12	10
Сельское хозяйство	2	4

В целом по СССР было приблизительно такое же процентное соотношение.

В 1930 году общее количество зарегистрированных научных работников по СССР возросло до 25 000 человек, а количество научных учреждений до 4000³. В результате проводившейся в стране реформы высшей школы было создано много новых вузов. Проведенный анализ этих данных дал следующие результаты в процентном отношении:

Общественные науки — 31,7 %

Медицинские науки — 27,7 %

Прикладные науки — 24,2 %

Точные науки — 20,4 %

Сельскохозяйственные науки — 4 %

Приведенные цифры свидетельствуют, в частности, о том тревожном положении, которое сложилось в стране с кадрами специалистов в области сельского хозяйства.

Для нас представляют значительный интерес результаты анализа данных о наличии научных сил по основным регионам страны, проведенного комиссией в 1928 году. Приведем только некоторые цифры (это данные без учета ученых званий и степеней)⁴:

в РСФСР (без Москвы и Ленинграда) — 5758 чел.

по Украине — 4186 чел.

в Белоруссии — 468 чел.

в Туркменистане — 5 чел.

А с учетом званий и степеней по стране удалось зарегистрировать: профессоров — 1944 человека, докторов наук — 197 (+525 докторов медицины), доцентов — 622, магистров — 191, ассистентов — 2123.

По результатам проведенного социологического анализа полученных сведений сотрудниками комиссии был сделан вывод о том, что к концу 1920-х годов уже проявились тенденции диспропорции размещения научных сил по стране. Так, научные работники практически не покидали крупных культурных центров, не оседали на периферии и, наоборот, в Москву стягивались уроженцы самых разнообразных пунктов и территорий Союза⁵. Подобное положение дел вызывало вполне обоснованную

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 22. Л. 8 об.

² Там же. Д. 37. Л. 9.

³ Там же. Д. 73. Л. 2–3.

⁴ Там же. Д. 48. Л. 2–3.

⁵ Там же. Д. 73. Л. 4.

тревогу. Например, в это время во всей Якутской АССР имелось только 2 научных учреждения, а в Дальневосточном крае — только 5 учреждений¹.

По-видимому, в связи с актуальностью эта проблема оказалась в поле зрения и государственных плановых органов. В январе 1929 года Госпланом СССР была принята специальная рабочая программа по теме «Учет работы научно-исследовательских учреждений». В частности, в пункте 7-м этой программы указывалось, что «деятельность по учету научных сил значительно облегчится большой работой, проделанной Комиссией „Наука в России“ Академии наук... Труды этой Комиссии содержат богатый регистрационный материал для учета научных учреждений и могут лечь в основу при разработке данных учета. Вот почему тесная увязка с Академией наук во время разработки системы и форм учета абсолютно необходима»².

Выше уже говорилось о том, что издания комиссии в 1920-е годы с интересом встречались научной общественностью и имели положительный резонанс. Одним из веских доказательств этого является тот факт, что со второй половины 1920-х годов справочные издания по данной тематике стали выходить на местах. В 1927 году сотрудником комиссии Н. В. Граве была подготовлена статья «Местные начинания в деле научной информации и учета научных ресурсов СССР». В ней, в частности, указывалось: «Систематическая работа Комиссии не проходит незамеченной на территории Союза и побудила некоторые местные профсоюзы научных работников выпускать справочники»³.

Подобные справочники были изданы в Белоруссии (руководил этой работой профессор С. Я. Вольфсон), Иркутске (профессор М. К. Азадовский), Казани (профессор К. Р. Виктор и доцент И. К. Корбут), Крыму (А. А. Танатар) и ряде других регионов страны. Нам удалось выявить подобные издания всего по одиннадцати регионам СССР, они вышли в свет в период с 1927 по 1934 годы⁴.

Приведем некоторые данные из справочника по Белоруссии — первого республиканского справочника. В нем указывалось, что до Октябрьской революции в Белоруссии с ее 5-миллионным населением «не было ни одного научного учреждения, ни одного высшего учебного заведения и, следовательно, не было научных работников». А в первый справочник уже вошли сведения о четырех вузах, Институте Белорусской культуры, Научно-исследовательском институте сельского и лесного хозяйства и о 403 научных работниках. В справочник по Казани вошли сведения о 558 научных работниках. Иркутский справочник содержал сведения о 235 научных работниках, Крымский — о 181 научном работнике и т. д. Полагаем, что фактический материал местных справочников является ценным источником для проведения исследований по истории культуры и науки.

Надо сказать и о том, что в деятельности комиссии встречались и серьезные трудности. Работа проходила в сложный период истории, когда шел процесс револю-

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 73.

² Там же. Д. 58. Л. 3.

³ Там же. Д. 20. Л. 1.

⁴ См.: Научные работники Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск, 1927; Научные работники Иркутска. Иркутск, 1927; Научные работники Казани. [Казань], 1927; Научные работники Крыма. Симферополь, 1927; Научные работники Азербайджана. Баку, 1927; Научные работники Воронежа. Воронеж, 1927; Научные работники Грузии. Тифлис, 1929; Научные работники Омска. Омск, 1929 и др.

ционного преобразования общества, происходила ломка всего старого и одновременно с этим — создание нового, мучительные поиски новых организационных форм. Это положение в полной мере относилось и к реорганизации научной работы в стране. Очень трудным делом оказывалось в данный текущий момент воссоздать сколько-нибудь полную картину существующей сети научных учреждений, обобщить сведения об их качественном составе. Так, в отчете о деятельности комиссии за 1919 год говорилось о подобных трудностях в работе: «Времена великих потрясений, сопряженные с большим ускорением темпа жизни, вызывают постоянно крупные и мелкие перемены», и далее уже лаконично отмечалось, что «учреждения нарождаются и исчезают»¹. Ученый секретарь комиссии Д. Д. Руднев в августе 1924 года обратился к академику С. Ф. Ольденбургу с просьбой ускорить издание справочника по Ленинграду, при этом одной из мотивировок являлось предположение о том, что «осенью, наверное, будут большие перемены и наш материал снова устареет»².

Сотрудники комиссии в своей деятельности испытывали серьезные материальные трудности, особенно в первой половине 1920-х годов. Так, на протяжении всего 1922 года сотрудники могли существовать только благодаря помощи Комиссии по улучшению быта ученых, которая предоставила отопляемое и освещенное помещение и даже канцелярские принадлежности, в связи с «неотпуском в этом году предполагавшихся по смете на нужды комиссии сумм»³. В одном из документов, датированном октябрём 1923 года, говорится о том, что «полное отсутствие средств затрудняло и часто просто останавливало всякую работу»⁴.

В отчете комиссии за 1924 год находим, что на ее нужды ассигновывалось по 5 руб. в месяц, правда, с сентября 1924 года эта сумма выросла до 20 руб. в месяц. Этих денег не хватало даже на покупку канцелярских принадлежностей. В связи с этим сотрудники комиссии многие работы выполняли безвозмездно⁵.

В этих сложных условиях руководителям комиссии приходилось буквально «искывать» любые возможности финансирования своей издательской деятельности. Так, долгое время не удавалось напечатать 2-ю часть справочника «Научные учреждения Ленинграда», «за полным отсутствием кредитов». Пришлось запросить деньги из сумм, выделенных на празднование 200-летнего юбилея Академии наук. Справочник вышел в разгар юбилейных торжеств под названием «Академия наук СССР, ее задачи, разделение и состав». Причем дополнительно к этому планы самых важных академических помещений были опубликованы в юбилейном номере журнала «Природа»⁶.

А деньги на издание справочника «Научные работники Москвы» удалось получить от Секции научных работников Профсоюза работников просвещения. Кроме того, статистический анализ материалов этого справочника был опубликован в журнале «Природа» № 4–6 за 1925 год и журнале «Вестник знаний» № 12 за 1925 год.

Бедственное положение комиссии вовсе не свидетельствует о том, что ее работе не уделялось должного внимания и руководство Академии наук не придавало ей значения. Нет, это объясняется общим тяжелым финансовым положением в те

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.

² Там же. Д. 22. Л. 7 об.

³ Там же. Д. 14. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 18. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 25. Л. 6 об.

годы Академии наук в целом и особенно ее учреждений гуманитарного профиля. Известно, что 1920 годы из-за этого пришлось пойти на ликвидацию ряда академических структур.

Обобщая опыт десятилетней деятельности комиссии, ее ученый секретарь Д. Д. Руднев, в частности, отметил, что руководство Академии наук всегда понимало необходимость учета научных и творческих сил страны и именно это обстоятельство «позволило не заглохнуть этому делу и после ряда тяжелых испытаний и преобразований, грозивших часто гибелью молодому еще начинанию — удалось, наконец, двинуть это важное дело»¹.

Долг сегодняшних историков науки рассказать об энтузиазме, бескорыстии и высокой нравственной позиции научных работников первых лет революции.

Безусловно, как и в любом настоящем и трудном деле, в деятельности комиссии имелись свои недостатки. Прежде всего, была одна трудность объективного порядка, обусловленная правовым положением комиссии. Суть этой проблемы состояла в том, что рассылаемые анкеты не носили «обязательного характера», и это отрицательно сказывалось на конечном результате, то есть на полноте полученных сведений. Приведем некоторые примеры. В начале 1926 года по СССР было разослано 2500 учрежденческих анкет и 10 000 личных анкет. За полгода по первым было получено 1250 ответов, а по вторым — 4300². В 1928 году при подготовке справочника по Москве было разослано 550 анкет для учреждений и 6536 личных анкет. К 1 декабря 1928 года по первым было получено 340 ответов, а по вторым — 3375³. Но и этого результата удавалось достичь во многом благодаря тому авторитету, который имела в то время Академия наук в обществе. Кроме того, это обуславливалось плодотворным сотрудничеством с другими организациями и энтузиазмом научного актива на местах.

В конце 1920 годов в правительственных органах обсуждались и прорабатывались вопросы сокращения штатной численности Академии наук СССР. Академии наук «в целях экономии бюджетных финансовых средств» предлагалось ликвидировать некоторые академические структуры, прежде всего, гуманитарного профиля. Так, Постановлением СНК СССР от 13 марта 1928 года Академии предписывалось разработать и представить в правительство свои предложения по этому вопросу. В соответствии с письмом, подписанным А. И. Рыковым и Н. П. Горбуновым, Академии предлагалось передать работы комиссии по составлению справочника «Научные учреждения и научные работники СССР» секции научных работников ЦК профсоюза работников просвещения, или в «Комиссию по изданию научных индексов при СНК СССР»⁴. В то время руководству Академии наук удалось отстоять комиссию и сохранить ее в составе академических структур.

Однако весной 1930 года правительственные органы вновь поставили вопрос о ликвидации комиссии и о создании специального всесоюзного центра по учету научных сил. Это соответствовало тогдашней мощной тенденции всемерной централизации управления процессом социально-экономического развития страны. 14 мая 1930 года состоялось совещание комиссии, созданной Госпланом СССР по

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 37. Л. 10.

² Там же. Д. 31. Л. 2.

³ Там же. Д. 43. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 40. Л. 5.

вопросу о порядке и формах учета научной работы. Председательствовал на совещании О. Ю. Шмидт, от Академии наук принимал участие С. Ф. Ольденбург. Было принято решение о необходимости полной реорганизации этой работы. Прежде всего, предполагалось эти функции от Академии наук передать государственным плановым органам.

Приведем наиболее важные пункты документа¹:

п. 2. Руководство делом учета научных работников берет на себя Госплан СССР;
п. 3. Непосредственный учет осуществляет Наркомат труда СССР (это как часть общего учета специалистов) и Центральное бюро Секции научных работников (это профсоюзный орган).

п. 12. Признать необходимым издание ежегодного справочника научных учреждений и высших учебных заведений по типу справочников Всесоюзной Академии наук. Издание осуществляется Госпланом СССР, при участии Всесоюзной Академии наук и Коммунистической академии.

У нас имеются основания полагать, что начатые руководством Госплана СССР попытки реорганизации комиссии являлись неотъемлемой составной частью масштабного процесса реорганизации всей Академии наук, проводившейся советским правительством. Известно, что в правительственных кругах сама реорганизация Академии наук была неразрывно связана с коренным изменением ее персонального состава.

На апрельской сессии 1930 года Общего собрания Академии наук был переизбран и «укреплен» персональный состав комиссии. Председателем ее был вновь избран академик С. Ф. Ольденбург, ученым секретарем стал С. А. Родов, в ее состав вошли академики В. П. Волгин, Г. М. Кржижановский, А. С. Орлов, С. Г. Струмилин, директор Архива РАН Г. А. Князев, И. А. Гуковский и др.²

Примечательным является тот факт, что в это же время все сотрудники комиссии «включились в общее русло социалистического соревнования в Академии наук». Партийным руководством страны была организована мощная кампания конфронтации и имитации обострения классовой борьбы в научных учреждениях СССР. Сия чаша не миновала и комиссию. Как тогда было принято, быстро находились «настоящие» специалисты, которые «с классовых позиций» подвергали резкой критике главные результаты проводившейся научной работы. В комиссии таким специалистом стал научный сотрудник I разряда В. И. Шевченко, принятый в 1929 году на работу вместо уволенного Н. В. Граве. В январе 1931 года В. И. Шевченко подготовил специальную статью под названием «Наши научные ресурсы, их учет, изучение, использование (к работе комиссии „Наука в России“»)». Рассматривая проблему анкетирования научных работников страны, автор статьи посчитал необходимым внести в эту работу следующие коррективы: «через анкеты в дальнейшем совершенно необходимо выявлять и общественно-политическое лицо специалистов: степень его участия (так в тексте. — В. С.) в социалистическом строительстве, общественные нагрузки и т. д.»³. Статья заканчивалась призывами в духе и полном соответствии «с воцарившейся на дворе великой эпохой»: «Стране нужны пролетарские специалисты. Социалистическое

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

² Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 66. Л. 5.

³ Там же. Д. 73. Л. 2.

соревнование, ударничество и встречные планы Вузовской молодежи и нашей советской профессуры — тому порукой» (так в тексте. — В. С.)¹.

Через месяц этим представителем «марксистской научной школы» была подготовлена еще одна статья с названием «К вопросу о реконструкции справочников „Наука в России“». Проанализировав результаты деятельности комиссии за 15 лет, В. И. Шевченко пришел к выводу о том, что «четкости учета, самих рамок учета — перед комиссией нет (так в тексте. — В. С.). Ее справочники сильно отстают духом прежних адрес-календарей и тех прежних библиографических изданий, которые давали так называемых „знаменитых людей“» (так в тексте. — В. С.)².

Благородный гнев В. И. Шевченко вызвали и темпы работы комиссии. В статье, в частности, указывалось, что «выпускать справочник „Научные учреждения Ленинграда“ в 1932 году — «это ничем не прикрытый оппортунизм». Автор считал необходимым осуществить выпуск книги не позднее 1 октября 1931 года. Завершалась и эта статья сильно: «Задерживать темпы, снижать задания — теперь время минуло. Встречный план должен быть проведен во чтобы-то ни стало»³.

Думается, нет никакой необходимости комментировать эти «методологически» правильные и политически выверенные сентенции научного сотрудника I разряда В. И. Шевченко.

Полагаем, что приведенный выше материал хотя бы в небольшой степени отражает те формы и методы, которыми властные структуры пытались реорганизовать академическую науку. Он также позволяет частично показать ту обстановку, которая была создана в научных учреждениях к началу 1930 годов.

Архивные документы показывают, что и в этой нелегкой ситуации руководство Академии наук отстаивало свою позицию: комиссия должна оставаться в составе Академии наук и продолжать работу. По этому вопросу велась соответствующая переписка с директивными органами. Однако руководство Академии наук понимало, что необходимо было сделать известные уступки господствующим политическим веяниям. В связи с этим приходилось искать возможности положительного, но компромиссного решения этого вопроса.

В марте 1932 года на Общем собрании Академии наук было принято решение о реорганизации комиссии в Комитет учета и изучения научных сил СССР (с сохранением прежних штатов и бюджетных ассигнований). Одновременно с этим Общим собранием было решено оставить комитет в составе Академии наук. К существовавшим ранее функциям комитета прибавилась еще одна — «разработка методологии учета». Соответственно, было принято и новое «Положение» о Комитете. Главным и принципиальным отличием его являлось то, что теперь анкеты должны были рассылаться через местные органы Госплана СССР, следовательно, они приобретали уже «обязательный характер». Комитетом был выработан новый тип анкеты, предпринимались попытки совершенствования методики учета. Были внесены существенные изменения в тематику будущих социологических исследований. В частности, были определены совершенно новые темы: «Изучение бюджета времени научного работника», «Охрана труда научных работников» и др.⁴

¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 73. Л. 5.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 25.

⁴ Там же. Д. 87. Л. 2—30.

Однако органы государственной власти продолжали настаивать на том, чтобы вопросы учета научных сил были изъяты из ведения Академии. Центральное Управление народно-хозяйственного учета Госплана СССР (ЦУНХУ) параллельно с академическим комитетом стало проводить сбор сведений по этой тематике, им были предприняты попытки издания своих справочников¹.

В январе 1933 года в ЦУНХУ вновь состоялось совещание по этому вопросу. Почему-то было принято решение проводить «концентрацию учета научных сил по линии КСУ»² — Комиссии содействия ученым при СНК СССР. Теперь можно только предполагать, что в данном случае административно-правовой статус КСУ — принадлежность ее к СНК СССР — определил позицию плановых органов.

В свою очередь академический Комитет (КУИНС) в 1933 году продолжал деятельность, естественно, с учетом изменившейся в стране политической ситуацией. Так, удалось выпустить в свет справочник «Научные работники Ленинграда». Сотрудниками комитета была начата разработка «нового типа справочников — библиографических словарей научных работников», которые предполагалось издавать один раз в 5 лет. Началась подготовка справочника «Крупнейшие работники СССР» и справочника «Научные работники, занятые минералогией, геохимией и кристаллографией» и др.³ Таким образом, сложилась своеобразная и достаточно конфликтная ситуация. В связи с этим окончательное разрешение вопроса было перенесено в СНК СССР. В апреле 1933 года неприменный секретарь Академии наук В. П. Волгин обратился в СНК СССР с письмом, в котором говорилось о необходимости оставить в компетенции Академии наук дело учета научных сил. При этом отмечалось, что КУИНС уже более 17 лет занимается этой работой, накоплен значительный опыт, вышло в свет свыше 10 справочников, которые нашли признаки как в Советском Союзе, так и за границей⁴.

В конечном счете правительство поддержало позицию плановых органов. В соответствии с этим 23 июня 1934 года на заседании Президиума Академии наук было принято решение о ликвидации КУИНС⁵. «Ввиду ликвидации КУИНС работу по изданию справочников передать в КСУ (в случае согласия КСУ на продолжение этой работы передать ей все материалы, в случае отказа передать их в Архив Академии наук СССР)».

Подобное решение проблемы можно объяснить теми тенденциями, которые к тому времени уже полным ходом развивались в СССР. Они же являлись результатом политики, проводившейся сталинским руководством: «наступлением социализма по всему фронту», всемерной централизацией государственной и общественной жизни, формированием тоталитарного режима. Этому режиму была не нужна и даже враждебна объективная информация о положении дел в обществе, лишними оказались и многие направления научно-статистической деятельности.

Так был завершён почти 18-летний период деятельности одной из академических комиссий. Одним из главных результатов этой деятельности стали справочники, которые до настоящего времени не утратили своего научно-информационного

¹ См.: Сеть научно-исследовательских учреждений. Изд-во ЦУНХУ, 1932.

² ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

³ Там же. Д. 87. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 84. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 93. Л. 4.

значения. В этих изданиях содержится значительный объем ценной ретроспективной информации, позволяющей и сегодня проводить исследования по истории социологии в нашей стране.

В сегодняшней, постперестроечной России кризисные явления в духовной сфере, культуре и науке приобрели, на наш взгляд, угрожающие масштабы. Поэтому задачи объективного учета и научного изучения всех интеллектуальных возможностей нашего общества как никогда важны и актуальны. В связи с этим даже крупицы положительного исторического и практического опыта представляют интерес и определенную значимость.

Литература

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН).

Академия наук СССР за двести лет. Речь Непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании Конференции Академии 6 сентября 1925 года. Л., 1925. С. 21.

The History of Sociology of Science in the Russian Academy of Sciences during the 1920s

VLADIMIR S. SOBOLEV

PhD in History, Researcher,
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov
St Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

The paper represents the history of the Russian Academy of Sciences' activity in the field of sociology of science in 1920s. Research work in this sphere had been conducted by academical "Committee for Survey of Research Workers and Study of Scientific Manpower in the U.S.S.R." (also known as CUINS). A large array of retrospective information, preserved in Saint-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, became an object of research. The fund of CUINS (F: 155) contains 6500 files. Since 1916 to 1934 CUINS had been carrying out a large-scale questionnaire poll among researchers and had managed to collect explicit data on more then 120 000 of scientists. On the basis of these materials the Academy of Sciences published reference and information books which have kept their scientific and informational significance till nowadays.

Keywords: science in the U.S.S.R., survey of country's intellectual manpower, sociology of science in 1920s, reference and information books, operational experience of the Russian Academy of Sciences.